

Несколько слов о поездке вместе с Чичиковым по усыпанной камнями дороге из города NN в Берлин и о 680 значениях междометия «ну»¹

Известие о переводе “Мёртвых душ” на немецкий язык мне было неприятно

Гоголь Н. Языкову

Весь мир в этой поэме находится в пути: Чичиков в своей легендарной небольшой рессорной бричке, в какой ездят холостяки, с тройкой знакомых читателю лошадей, уже известных поименно – Заседатель, подлец Чубарый; черноногая Пелагея на козлах у Селифана; Ноздрев с «колясочкой»², «влекомой какой-то длинношерстной четверней с изорванными хомутами и веревочной упряжью»; дочка губернатора с прекрасным шестериком; «богач на пролетных красивых дрожках, на рысаках в богатой упряжи», который на самом деле был конторщиком, ведь «волосы носил в кружок»; «мужик с нагруженной телегой, покрытую рогожею», который въехал во двор Плюшкина; Коробочка со своим весьма странным экипажем, «наводившим недоумение насчет своего названия. Он не был похож ни на тарантас, ни на коляску, ни на бричку, а был скорее похож на толстощекий выпуклый арбуз, поставленный на колеса». «Фельдегерь с усами в аршин» и казенным экипажем, тройка которого «исчезнула с громом и пылью»; отец Чичикова «на тележке, которую потащила мухортая пегая лошадка, известная у лошадных барышников под именем сороки»; полицмейстер, который «поедет на дрожках» и «дать порядок»; «купец на рысаке был помешан » с беговыми...

Все они в движении, бесконечно тянется их караван: все эти экипажи, коляски, тарантасы, дрожки, телеги, подводы, линейки, дребезжалки, колесовистки (*Equipagen, Kutschen, Reisewagen, Droschken, Fuhren, Bauernwagen, Kremser, Klapperkisten, Quietschkommoden...*). Для каждого экипажа должно

быть найдено правильное немецкое слово. Но это ещё – одна из сравнительно лёгко решаемых задач.

«Чудовищен поварской прейскурант»³, - пишет Андрей Белый в своей книге «Мастерство Гоголя». Но - как же передать названия «смачного изобилия» (Белый), множества заманчивых блюд, которые подают героям? Ведь здесь нужна двойная передача: из одной культурной среды в другую, и из первой половины XIX века – в XXI век... Многие из этих блюд и других реалий и русским-то (и украинским) сегодняшним читателям уже незнакомы, а иные даже и не описаны в старых кулинарных книгах.

Как констатировал Белый, «в МД необходимый, сопутствующий героям передний фон жанра – еда; блюда отнюдь не декоративны; как яства, поданные голландцами: взять бы да съесть!»⁴ Напитки, водки, вина, закуски, мучные блюда, супы, жаркое, сладкое... «Не Илиада», - говорит Белый, - «а ... Жратвиада»⁵. «Галушки, пампушки, коржики, масленцы, взваренцы и другие *пундики*; – „что *пампушка* есть вид печёного теста, известно всем, а вот за *масленцы*, *взваренцы* я не ручаюсь: может есть где-нибудь *взваренцы*, а может... и нет их нигде; что же касается до '*других пундиков*', то ручаюсь, что слово *пундик* сочинил Гоголь; не довольствуясь неологизмом *пузантик*, он выдумал свой *пундик*» (А. Белый)⁶.

И как же это переводить? Возьмём, для примера, «арбуз» Коробочки: он был «напичкан мешками с хлебами, калачами, кокурками, скородумками и кренделями из заварного теста. Пирог-курник и пирог-рассольник выглядывали даже наверх». Да, по части провизии Гоголь не экономил, вспомнить только об «огромном куске няни» Собакевича, «известного блюда, которое подаётся к шам и состоит из бараньего желудка, начинённого гречневой кашей, мозгом и ножками».

В отличие от Белого, славист Дмитрий Чижевский указывал на то, что все эти названия блюд у Гоголя служат для украшения его языка оригинально звучащими словами. По его мнению, они должны были звучать загадочно и таинственно.⁷

Но как найти для всех этих украшений подходящие слова в немецком, если сегодня вряд ли найдется и русский-то человек, знающий, что все это означает?

Возьмем хотя бы "пирог-рассольник" помещицы Коробочки. Рассол – это жидкость, в которой солят огурцы, под рассольником сегодня подразумевают суп. Но какая может быть связь между пирогом и супом на основе рассола? Пожалуй, можно было бы предположить, что это пирог, который подают к такому супу. И вот повезло: в одной из записных книжек Гоголя я читаю: „Рассольник — пирог с курицей, гречневой кашей, в начинку подливается рассол. Яйца рубленые“. Таким образом, одна проблема вроде бы оказывается решена. Но передать это словосочетание на немецкий язык всё равно нельзя. Эти и подобные слова, для которых нет эквивалента в немецком, в моём переводе сохраняются в их оригинальном русском звучании и сопровождаются сноской. В случае «пирога-рассольника» я изучила и работы предшественников.

На сегодняшний день существует шестнадцать переводов «Мертвых душ» на немецкий язык, первый появился еще при жизни Гоголя, в 1846 году в Лейпциге, автор перевода - Филипп Лебенштайн.

Узнав об этом переводе, Гоголь написал своему другу Н.М.Языкову 8 января н. ст. 1846 г.: «Известие о переводе “М<ертвых> д<уш>” на немецкий язык мне было неприятно. Кроме того, что мне вообще не хотелось бы, чтобы обо мне что-нибудь знали до времени европейцы, этому сочинению неприлично являться в переводе ни в каком случае до времени его окончания, и я бы не хотел, чтобы иностранцы впали в эту глупую ошибку, в какую впала большая часть моих соотечествен<ников>, принявши “М<ертвые> д<уши>” за портрет России. Если тебе попадается в руки этот перевод, напиши, каков он и что такое выходит по-немецки. Я думаю, просто ни то, ни сё» (XIII, 30).

Это очень любопытное высказывание Гоголя, особенно если сопоставить его с тем, что он пишет в конце первого тома «Мёртвых душ»: «Еще падет обвинение на автора со стороны так называемых патриотов, которые спокойно

сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накапливают себе капиталы, устраивая судьбу свою на счет других; но как только случится что-нибудь, по мнению их, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, в которой скажется иногда горькая правда, они выбегут со всех углов, как пауки, увидевшие, что запуталась в паутину муха, и подымут вдруг крики: “Да хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом? Ведь это все, что ни описано здесь, это все наше - хорошо ли это? А что скажут иностранцы? Разве весело слышать дурное мнение о себе? Думают, разве это не больно? Думают, разве мы не патриоты?” На такие мудрые замечания, особенно насчет мнения иностранцев, признаюсь, ничего нельзя прибрать в ответ» (VI, .243).

Последний перевод поэмы на немецкий язык вышел в 1988 году в Штуттгарте (пер. Вольфганг Казак).

Самое большое количество переводов приходится на 20-е годы двадцатого столетия, когда интерес к России был особенно велик, и не только в Германии. Только в период с 1921 по 1925 год «Мертвые души» были переведены на немецкий пять раз, причем два новых перевода появились в одном и том же 1921-м году: перевод Германа Реля (изд. «Инзель», Лейпциг) и перевод Александра Элиасберга (изд. «Кипенхойер», Потсдам). Одним из переводчиков МД 20-х годов был любекский школьный приятель Томаса Манна Корфиц Хольм. Его предки были родом из Риги. Перевод Хольма вышел в мюнхенском издательстве «Ланген» в 1924 г., а с 1898 по 1900 год — молодой Томас Манн работал там же редактором журнала «Симплициссимус». Томас Манн тоже был большим почитателем русской литературы и в особенности Гоголя (насколько можно судить по его записным книжкам и дневникам, «Мертвые души» он читал четыре раза). Я хочу процитировать лишь одно пожелание Томаса Манна, высказанное им в «Русской антологии» в связи с запланированной поездкой в Россию, которая, к его большому сожалению, не состоялась: «Я посетил бы потомков Гоголя - Андреева, Сологуба и Кузмина. Я ел бы с ними пироги и пил бы чай, и, может статься, были бы у нас маринованные грибки, водка да

папиросы, а они бы мне, наверное, говорили: “Помилуйте, батюшка!” или “Сами посудите, Фома Генрихович!”⁸

Классиков мировой литературы периодически переводят заново (сонеты Шекспира существуют на сегодня в 70-ти немецких переводных версиях), и каждый переводчик по-своему, наощупь пробирается к оригиналу, пытаюсь подойти к нему как можно ближе. Соблюдать максимальную точность и пытаться сохранять тональность и колорит времени - для меня, противницы «насильственной модернизации» текстов минувших времен, это задача особой важности.

Итак, до меня целый отряд моих коллег-переводчиков уже проследовал за Павлом Ивановичем Чичиковым. Если же вы теперь спросите, почему и я решилась еще раз пройти по зыбкому мостику культурного трансфера и вновь перевести на немецкий язык одно из центральных и блестящих произведений русской литературы, ответить в двух словах я не смогу. Но если очень коротко: для того, чтобы отдать дань уважения русской литературе и вновь обратить взор немецкого читателя на русскую классику в целом и творчество Николая Васильевича в частности. И сюжет, и герои «Мёртвых душ» до сих пор чрезвычайно актуальны, и отнюдь не в одной России...

Но вернемся к переводу на немецкий язык пирога-рассольника и к решениям моих предшественников-переводчиков. Один пишет: *gesalzene Pirogge*, "солёный пирог", другой: *Pirogge mit einer Füllung aus eingelegten Gurken*, "пирог с начинкой из малосольных огурцов", и наконец, я наткнулась еще на одно фантазийное образование: *Pirogge mit Salzfleischfüllung*, "пирог с начинкой из солонины". Как видим, мои коллеги-переводчики тоже немало поломали голову, гадая, что бы это могло быть, а потом дали волю своей фантазии. Их версии - не обязательно ложный путь, ведь, скорее всего, уже во времена Гоголя вряд ли кто-нибудь знал, что такое "пирог-рассольник".

Ещё одна особенность перевода связана с употреблением иностранных слов в ткани «Мёртвых душ». Я сохраняла их в переводе лишь в тех случаях, где Гоголь сам намеренно употреблял их, чтобы придать ситуации определённый

колорит. Но там, где Гоголь от них отказывается, я тоже отказалась от их употребления. Ведь в тексте то и дело попадаются иронические замечания автора, намекающие на чрезмерное употребление иностранных слов, особенно – читателями «...высшего общества: от них первых не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и наделят даже с сохранением всех возможных произношений: по-французски в нос картавя, по-английски произнесут, как следует птице, и даже физиономию сделают птичьей, и даже посмеются над тем, кто не сумеет сделать птичьей физиономии? А вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе» (VI, 164-165).

Важно также сохранять знаки препинания Гоголя, и особенности его слога со всеми украшениями и повторами. Они характерны для Гоголя, - «причудливое барокко»⁹, как назвал их Андрей Белый. Типично для него избыточное употребление двоеточия и тире, точки с запятой и восклицательного знака, которые придают тексту определённую, объяснительную интонацию.

*„Schauen wir ihn uns doch einmal an, wenn er zwischen seinen Untergebenen sitzt, - vor Angst verschlägt es einem geradezu die Sprache! ganz Stolz und Vornehmheit, und was erst seine Miene ausdrückt? man möchte zum Pinsel greifen und draufmalen: ein Prometheus, ganz entschieden ein Prometheus.“*¹⁰

Бросятся в глаза любимые выражения автора: между тем; как говорится; даже; впрочем; словом; итак; весьма; чрезвычайно; в некотором роде; необыкновенно. Их я сохранила и не варьировала.

Невероятно сложен перевод междометий, которыми столь изобилует русская речь. Эта сложность знакома каждому переводчику. Я хотела бы привести здесь небольшое наблюдение Эфраима Кишона, недавно умершего израильского писателя-сатирика, посвящённое словечку «ну», попавшему в иврит из русского языка:

"Согласно самой поверхностной статистике у слова "ну" 680 разнообразных значений, в зависимости от уровня разговора, выражения лица говоря-

щего и времени суток. Вот некоторые из этих значений, произвольно выбранные:

- Давай скорее!

- Что случилось?

- Оставь меня в покое.

- Чего ты, собственно, хочешь?

- Хорошо, допустим, что все именно так, как ты говоришь. Я не сказал, что признал твою правоту, я сказал только: допустим. Но это не значит, что надо сразу так орать, идиот."¹¹

Итак, если Гоголь смело, виртуозно, радостно и с большой фантазией экспериментировал с русским языком, то как передать это многообразие на чужом языке? Андрей Белый даже назвал Гоголя «футуристом до футуристов»¹². Употреблению глаголов или существительных в творчестве Гоголя Белый посвятил целые главы книги «Мастерство Гоголя». Там говорится: «Фонд существительных Гоголя – неисчерпаемый; он – не *«народный язык»*, а *«народные языки»*: украинский, смешанный с местными великорусскими говорами; [...] с архаизмами, неологизмами, с рядом словесных импровизаций вплоть до ... заумных коленец; сюда влиты: высокопарница канцелярского слога, [...] технические языки (кухонный, помещичий, лакейский, охотничий, картёжный), язык мещан и ремесленников; из пёстрого месива Гоголь вываривает *свой язык*, которого руссицизмы, украинизмы и полонизмы переходят подчас в грамматику, не оправдываемую никакой грамматикой».¹³

Он часто употреблял также народные, звукоподражательные и редко употребительные выражения, выстраивал текст в определённом ритме, с помощью приставок и суффиксов смело конструировал оригинальные глаголы. У Белого читаем: «Глаголы его – оригинальны и ярки»; «До чего богат, фигурен, “глаголен” Гоголь. И об эпитетах: «Сила многих эпитетов Гоголя в том, что они необычайно звучны; часто составные части его сложных эпитетов аллитерируют и ассонируют»; «Так же, как глаголы, Гоголь остранивает эпитеты,

меняя обычные приставки и окончания корня на необычные, как, например, «при-глуповат»; он меняет окончания - «мордатый» вместо «мордастый»...¹⁴

До чего же Гоголь любил экспериментировать! Всё это превышает возможности любого перевода. Сам он не раз повторял, что за годы жизни в Италии забыл русский язык, да он ему и не родной. Это проявляется, например, в неправильном употреблении предлогов, союзов или глагольного вида, иногда неправильно склоняются существительные – всё это придаёт тексту дополнительную прелесть. Друзья и коллеги то и дело вносили предложения, как исправить то или иное место, но важнее правил грамматики для Гоголя были красота, живость или звучание выбранных выражений – и всё оставалось, как было. Но если бы при переводе мы отважились имитировать подобные опыты, то на любом другом языке, наверное, вышла бы всего лишь грубая бессмыслица. Это неизбежные утраты.

В раздел «неприкосновенное» нужно отнести и характерные для Гоголя гиперболы и богатейшие эпитеты, добавленные порой безо всякой меры. «Точность и краткость» — принципы, постулируемые Пушкиным и до совершенства отточенные позже Чеховым и Бабелем, для Гоголя неприемлемы. «Гоголя не интересует точность» (Белый)¹⁵. Признак его творчества - изобилие, выходящее из берегов. Поэтому сокращать или нормировать перевод в этом отношении – так же дело немыслимое.

Грандиозный фейерверк имен, отчеств и «говорящих» фамилий, которые Гоголь рассыпает в поэме мешками, доставляя русскому читателю ещё одно удовольствие – всё это в другой языковой и культурной среде также погибает: Коробочка, Манилов, Ноздрёв, Плюшкин, Пётр Петрович Петух, Софрон Иванович, Маклатура Александровна, Адельгейда Гавриловна, Пётр Варсонофьевич, Алкид, Фемистоклюс, Вахрамей, Сысой Пафнутьевич, Макдональд Карлович, Кифа Мокиевич, Мокий Кифович и все остальные... Вот и здесь границы переводимости. В случае «говорящих» фамилий я пыталась объяснить их значение сноской.

¹ По поводу выхода в свет нового перевода «Мертвых душ» на немецкий язык: *Nikolai Gogol, Tote Seelen, aus dem Russischen neu übersetzt von Vera Bischoitzky. Verlag Artemis und Winkler, Düsseldorf, 2009.*

² Здесь и во всех других местах «Мертвые души» цитируются по: *Н.В.Гоголь. Полн. Собр. Соч. Л., 1951. Т. VI, VII.*

³ *Белый А. «Мастерство Гоголя». М., 1996, с. 172.*

⁴ Там же, с. 172.

⁵ Там же, с. 173.

⁶ Там же, с. 232.

⁷ *Dmitrij Tschizevskij, Sonderdruck: Gogol' - Turgenev - Dostoevskij - Tolstoj. Zur russischen Literatur des 19. Jahrhunderts. München 1966 (Forum Slavicum 12.) S. 125.*

⁸ Thomas Mann, *Gesammelte Werke in dreizehn Bänden, Band X, Frankfurt/M, 1990, S. 596.* Перевод с немецкого Ирина Алексеева.

⁹ *Белый А. «Мастерство Гоголя». М., 1996, с. 214.*

¹⁰ *Nikolai Gogol, Tote Seelen, aus dem Russischen neu übersetzt von Vera Bischoitzky. Verlag Artemis und Winkler, Düsseldorf, 2009, S. 61.*

¹¹ *Ephraim Kishon. Drehn Sie sich um, Frau Lot! Berlin, 1993, S. 15* (перевод и цитаты с немецкого Ирина Алексеева).

¹² *Белый А. «Мастерство Гоголя». М., 1996, с.232.*

¹³ Там же, с. 230.

¹⁴ Там же, с. 221; 227; 228.

¹⁵ Там же. С. 98.